

И. В. Кощиченко

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РУКОПИСЬЮ: ОБ ЭПИГРАФЕ
К СТАТЬЕ «ОТРЫВОК ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЛЕТОПИСЕЙ»
А. С. ПУШКИНА**

Рукописи Пушкина до сих пор таят в себе множество загадок. Одну из них, касающуюся эпиграфа, мы попытаемся раскрыть.

К 1830-м гг. происходит существенное развитие критических жанров. Писатели включаются в это литературное направление, стремясь открыть его новые возможности. Сочинения Пушкина занимают центральное место во многих острых спорах на страницах печати. Одна из журнальных полемика конца 1820-х гг. связана с именами М. Т. Каченовского и Н. А. Полевого, редакторов двух ведущих журналов того времени. 18 декабря 1828 г. Каченовский подал жалобу в Московский цензурный комитет на Полевого и цензора С. Н. Глинку, в которой настаивал, что в его (Каченовского) лице в статьях Полевого было нанесено оскорбление всему ученому сословию. Жалоба Каченовского была отклонена.¹ Пушкину, находившемуся в это время в Москве, этот литературный скандал был известен в деталях. Он не мог оставаться безучастным: помимо эпиграмм на Каченовского,² Пушкин пишет журнальную статью «Отрывок из литературных летописей», посвященную этой войне.³

Статья датирована 27 марта 1829 г. Первоначально Пушкин предполагал опубликовать ее в «Невском альманахе на 1829 год», но статья была запрещена цензурой. С цензурными сокращениями она напечатана в «Северных цветах на 1830 год». Ее эпиграф «Tantae ne animis scholasticis irae!»

¹ См. подробнее: *Пушкин А. С. Соч.* Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. 9, кн. 2. С. 114—119 (коммент. Н. К. Козмина); Пушкин в прижизненной критике: 1828—1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001. С. 384—385.

² «Журналами обиженный жестоко...» (13—28 (?) марта 1829 г.), «Там, где древний Кочерговский...» (середина марта—середина апреля 1829 г.).

³ Подробнее о ней см. в комментарии Н. К. Козмина (*Пушкин А. С. Соч.* 1900—1929. С. 119—129).

(«Возможен ли такой гнев в душах ученых мужей») (XI, 77, 566)⁴ является парафразой 11-го стиха из первой песни «Энеиды» Вергилия: «Tantae ne animis coelestibus irae!» («Возможен ли такой гнев в душах небожителей»)⁵ Пушкин не указывает источник эпиграфа, очевидно, из-за замены им слова «coelestibus» (небесный) на «scholasticis» (ученый), сделавшей фразу «мирской». Пушкин знал эту фразу Вергилия в передаче Ж. Делиля («Энеида», 1804) и Н. Буало (пародийная поэма «Налой», 1674—1683). Н. О. Лернер предположил, что «знакомство с этим стихом укрепил Шекспир. В „Короле Генрихе VI” (д. II, сц. 1) протектор герцог Глостер, дядя короля, говорит кардиналу Бофорту, другому родственнику короля, во время перебранки: „Tantae ne animis coelestibus irae!”».⁶

Расположение эпиграфа на обложке чернового автографа статьи (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 303, л. 1) обнаруживает, что сначала Пушкин, очевидно, задумывал дать этой статье эпиграф «sine ira et studio» («без гнева и пристрастия»)⁷ Приводим текст Пушкина в транскрипции:

Sine ira et studio.

[Tantae ne animis —
irae!]

Virg.

Как видим, крылатое выражение «sine ira et studio», несомненно, цитированное по памяти, стояло на обложке первым и было подчеркнуто. Написанное же ниже «Tantae ne animis — irae!» («Возможен ли такой гнев в душах!») было зачеркнуто. В XI томе Полного собрания сочинений А. С. Пушкина, в вариантах статьи с неточностью, требующей дополнительного комментария, указано расположение слова «Virg.» (Вергилий): оно написано под первой цитатой (XI, 347). Автором же фразы «sine ira et studio» является Тацит, она открывает его «Анналы», которые Пушкин знал довольно хорошо.⁸ В 1824 г. эта же фраза из Тацита была использована в качестве эпиграфа в статье В. Кюхельбекера «Разговор с Ф. В. Булгариним», вышедшей в «Мнемозине». Нельзя исключить, что, может быть, по этой причине Пушкин убрал это выражение с места эпиграфа.⁹

⁴ Все ссылки на произведения Пушкина даются по изданию: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.* Т. 1—17. Изд. АН СССР. М.; Л., 1937—1949 (при цитатах указывается римской цифрой том, арабской — страница).

⁵ О цитации Пушкиным Вергилия см. в статье С. Б. Федотовой «Вергилий» в кн.: *Пушкин: Исследования и материалы.* Т. 18—19. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии» / Под ред. В. Д. Рака. СПб., 2004. С. 79.

⁶ *Лернер Н. О. Пушкинологические этюды // Звенья.* М.; Л., 1935. Т. 5. С. 139—140. См. также: *Федотова С. Б. «Вергилий».* С. 76—79.

⁷ Описание первого листа чернового автографа см.: *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты.* М.; Л., 1935. С. 329 (коммент. М. А. Цявловского). Факсимильное воспроизведение записи Пушкина см. там же, с. 328—329 (в иллюстрациях на отдельных листах).

⁸ О степени знакомства Пушкина с творчеством Тацита см.: *Кнабе Г. С. Тацит // Пушкин: Исследования и материалы.* Т. 18—19. С. 328—331.

⁹ В творчестве Пушкина фраза «sine ira et studio» встречается также в 1822 г. в письме П. А. Плетневу (ноябрь—декабрь 1822 г.) (XIII, 53), а позже в переработанном виде в «Борисе Годунове» (VII, 18).

В зачеркнутой строке из Вергилия Пушкин сначала обозначает пропуск, не указывая, о каких душах идет речь — о божественных или ученых. Однако на следующем листе черновой рукописи (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 303, л. 2) еще раз написан эпитаф: измененная латинская цитата «*Tantae ne animis scholasticis irae!*».¹⁰ Вероятно, она была приписана позднее, когда текст статьи или, по крайней мере, ее первые строки уже были написаны: в процессе создания статьи Пушкин, скорее всего, домысливает фразу из «Энеиды» и решает поставить эпитафом именно ее. Об этом могут свидетельствовать встречающиеся только на первых страницах рукописи варианты выражений, в которых появляется слово «ученый», например: в черновом варианте — «различие между семи двумя званиями», в окончательном тексте — «учеными званиями»; в черновом варианте — «законы словесности, умолкшие при звуках журнальной полемики, заговорили бы вновь устами почтенного издателя», при публикации — «устаи ученого редактора» (см.: XI, 348, 349). Обращает на себя внимание фраза в финальной части статьи: «почтенный редактор пользуется славой *ученого мужа*» (курсив наш. — *И. К.*), которая позволяет сделать вывод, что к моменту написания этих слов эпитаф-парафраза («Возможен ли такой гнев в душах ученых мужей») уже сформировался и был записан Пушкиным непосредственно над первой строкой статьи.

В писарской копии статьи, которая находилась в «Деле Санкт-Петербургского Цензурного комитета 17 сентября—8 октября 1829 г.» (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 16, № 50, л. 6),¹¹ отсутствуют оба латинских выражения. Однако в публикации в «Северных цветах на 1830 год» эпитаф стоит и крылатая фраза «*sine ira et studio*», от которой Пушкин не смог отказаться, завершает первый абзац: «Распря между двумя известными журналистами и тяжба одного из них с цензурою наделала шуму. Постараемся изложить исторически все дело *sine ira et studio*»; ср. в писарской копии и в черновой рукописи: «[Литературная] распря между двумя известными журналистами и тяжба одного из них с ценз<урою> наделала шуму».¹² Постараемся изложить исторически все дело» (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 303, л. 2). Эпитаф из Вергилия и цитата из Тацита были вписаны Пушкиным уже в корректуру (см. ниже письмо О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу).

Пушкин, для которого представляли ценность обе цитаты, расположил их поблизости. Слова из Тацита как будто продолжают эпитаф, являясь частью единой фразы: ответом на восклицание эпитафа. Автор сообщал, что как ни тяжело ему сдерживать свой гнев, он попытается быть объективным и непредвзятым, как внешний наблюдатель (летописец). Повествуя о причинах завязавшейся полемики между «почтенным редактором» «Вестника Европы» М. Т. Каченовским и «ожесточенным издателем» «Мо-

¹⁰ Б. В. Томашевский указывает, что «слова эти стали поговоркой» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 10 т. Изд. 2-е. М., 1958. Т. 7. С. 669).

¹¹ Напечатано: *Сухомлинов М. И.* Полемические статьи Пушкина // *Исторический вестник*. 1884. Кн. 3. С. 465—468; *Пушкин А. С. Соч.* Л., 1929. Т. 9, кн. 1. С. 46—52 (публ. Н. К. Козмина); варианты: Кн. 2. С. 112—114; описание рукописи: Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 4. Стр. 27 (№ 11).

¹² Буквально написано следующее: «[Литературная] распря между двумя известными журналистами наделала шуму и тяжба одного из них с ценз.<урою>». Выражение «и тяжба одного из них с ценз<урою>» вписано после слова «шуму» со знаком вставки.

сковского телеграфа» Н. А. Полевым, Пушкин на первых порах придерживается данного обещания. Он укоряет Полевого «в запальчивости и неумеренности», признавая, однако, правомерность его критики. Авторская ирония все отчетливее проступает в описании «ученого редактора»: «Если г. Каченовский, не написав ни одной книги, достойной некоторого внимания, не напечатав в течение 20 лет ни одной замечательной статьи, снискал, однако ж, себе бессмертную славу, то чего же должно нам ожидать от него, когда наконец он примется за дело не на шутку?» (XI, 80), а «для поддержания ученой своей славы принужден он был обратиться к русскому букварю и преобразовать оный удивительным образом»¹³ (XI, 82). Возможно, фраза «без гнева и пристрастия», выполняя некую «маскирующую» функцию, одновременно обращала внимание на то, что *литератор*, пишущий «Литературные летописи», не способен оставаться безучастным созерцателем происходящего.¹⁴ Гневом переполнены участники распри, постепенно это чувство разрастается и в том, кто пытается хладнокровно разобраться в ситуации. Это отмечалось даже современниками Пушкина. Так, М. П. Погодин в письме С. П. Шевыреву от 28 апреля 1829 г. сообщал, что Пушкин «бесится» на Каченовского «за то, что помещает статьи Надеждина, где колют его нравственность».¹⁵

Когда же речь в статье заходит о чести дворянина, о дворянстве Н. А. Полевого, Пушкин принимает «совершенно сторону» последнего. «Никто, более нашего, не уважает истинного, родового дворянства», — заявляет автор, говоря и о том, что «в мирной республике наук» нет и не должно быть дела «до гербов и пыльных грамот». В финале статьи Пушкин приходит к вопросу о конфликте родовой и новой аристократии. Эта проблема становится одной из ведущих в творчестве Пушкина конца 1820-х—начала 1830-х гг.

Эпиграф связывал статью с литературной полемикой Пушкина с Надеждиным и Каченовским и заключал в себе пародийный аспект. Латинские и греческие эпиграфы часто присутствовали в статьях Н. Надеждина. В 1828 г. Полевой писал: «Нельзя без греческого и без латинского эпиграфа

---

¹³ Орфография «Вестника Европы» вызывала насмешки, в частности за неуместное употребление буквы «ѿ», что Пушкин также иронически обыграл в написании имени Каченовского: в статье он «Михаѿ Трофимовѿч».

¹⁴ Н. И. Надеждин в отзыве на «Северные цветы на 1830 г.» отметил, что «развснчанный герой» (Пушкин) «не умсет смотреть на описываемые им события с тем беспристрастием и самоотвержением, которые требуются от историка, и посему не удивительно, что ему все еще видятся всюду — льяные семинаристы!..» (Цит. по: Пушкин в прижизненной критике: 1828—1830. С. 220). В статье «Отрывок из литературных летописей» есть очевидный выпад против Н. И. Надеждина, литературную критику которого в «Вестнике Европы» Пушкин называет «нспристойными криками пьяного семинариста».

Любопытно отметить, что немногим позже статьи «Отрывок из литературных летописей» Пушкин пишет эпиграмму «Мальчишка Фебу гимн поднес...» (август—ноябрь 1829 г.), где Н. И. Надеждин представлен в виде семинариста, и притчу «Сапожник», направленную против Надеждина. В варианте перебеленного автографа притчи сохранился эпиграф из И. И. Дмитриева: «Но видно по всему, что он семинарист. Дм<итриев>» (III, 750). Как и рассматриваемый эпиграф к статье, это не точная цитата, а пушкинская парафраза; у Дмитриева: «видно по стихам» (см.: *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., примеч. Г. П. Макогоненко. М., 1967. С. 147).

¹⁵ Цит. по: Пушкин в прижизненной критике: 1828—1830. С. 385.

начать статьи, которая состоит pendant к „Литературным опасениям” „Вестника Европы” <...>, нельзя <...>: мы имеем дело с людьми учеными — а *pédant; pédant et demi*». ¹⁶ Пушкин, используя в эпитафии латинский материал, придает этой сложившейся традиции полемический характер. Возможно, по этой причине он настойчиво требовал поместить эпитафию, о чем свидетельствует письмо О. М. Сомова к цензору К. С. Сербиновичу: «Потрудитесь, почтеннейший Константин Степанович, взглянуть на 228 стран<ицу> прилагаемого корректурного листка. Писец мой забыл выставить латинский эпитафию, написанный Пушкиным, а сей требует, чтоб эпитафию был помещен. Думаю, что это не наведет никаких новых затруднений, ибо эпитафию может относиться в одинаковой мере и к Полевому, и к Кочановскому». ¹⁷ Намеренное упрощение понимания эпитафии здесь не случайно: Сомов не хочет навлечь еще большего подозрения на автора статьи, уже пострадавшего от цензуры. В. Э. Вацура отмечает, что иногда О. М. Сомов специально «дезориентировал» цензоров попутными оценками, случайно оброненными замечаниями с целью оградить от цензурных изъятий произведения того или иного поэта. Когда это касалось полемических статей Пушкина, борьба Сомова достигала вершины. ¹⁸

Эпитафию в статье был сохранен, но напечатан в части тиража альманаха «Северные цветы на 1830 год» с ошибкой в первом слове, что тут же вызвало иронический отзыв Н. Н. (Н. Надеждина) в «Вестнике Европы»: «Нас удивил еще эпитафию, избранный новым летописцем, который гласит так: *Tantaet ne animis scholasticis irae!* Надобно либо знать язык, из которого заимствуется эпитафию, либо скопировывать буквы вернее. *Tantaet* — нет слова у латинян; а *tantae!*.. Где ж был верный глаз О. М. Сомова, любящего держать строгую корректуру?.. То-то и есть-то! Чем бранить ни за что ни про что *семинаристов* — не лучше ли б было летописцу и издателям посоветоваться с ними и поучиться у них хорошенько! Ведь безграмотность — худой патент на громкое имя!» ¹⁹ Для Надеждина это была возможность упрекнуть поэта в безграмотности. У Пушкина, конечно, встречались опiski или ошибки в латыни, но в данном случае это была именно ошибка издателя, что подтверждается сохранившейся черновой рукописью статьи.

Слово «ученый» появляется в эпитафии в результате исканий Пушкина, стремившегося наиболее точно обозначить объект, на который была направлена авторская ирония (М. Т. Каченовский в поданной им жалобе почитал себя чуть ли не главой ученого сословия). При рассмотрении черновой рукописи становится очевидным этот поиск, приведший Пушкина к выбору окончательного эпитафии для своей статьи. Неоднократно употребляемые им в статье слова «ученый», «ученый муж», «ученость» являются акцентными в определении пушкинского отношения к этому журнальному спору.

¹⁶ Цит. по: Вацура В. Э. К истории пушкинских изданий (Письма О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 295.

¹⁷ Там же. С. 295.

¹⁸ Там же. С. 286—287.

¹⁹ Цит. по: Пушкин в прижизненной критике: 1828—1830. С. 220.